

УДК 070:821.111

«ЗАЩИТНИК ЧЕЛОВЕЧНОСТИ» В «СТРАНЕ СВОБОДНЫХ ИНСТИТУТОВ»: ОТКЛИК РУССКИХ ЖУРНАЛОВ 1870-Х ГГ. НА СМЕРТЬ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

© Людмила Симченко, Борис Проскурнин

“THE ADVOCATE OF HUMANITY” IN THE “THE COUNTRY OF FREE INSTITUTIONS”: THE ECHO OF CHARLES DICKENS’S DEATH IN RUSSIAN JOURNALS OF THE 1870s

Ljudmila Simchenko, Boris Proskurnin

The article analyses the Russian reception of Charles Dickens’s personality and creative work in the early 1870s when his death brought about a new surge of interest in the author and his novels. Certain leading Russian literary and socio-political journals of the time – “Delo”, “Vestnik Evropy”, “Niva”, “Russkii Vestnik” – in different ways interpreted Dickens’s life and work in their obituaries and analytical essays, written under the impression of the author’s death. The article shows that the reception of Dickens is of interest due to the fact that his creative work influenced not just a narrow circle of advanced readers, but also the whole Russian educated community. Irrespective of their different social, cultural and political views, Russian publicists were unanimous in their high appraisal of his talent and the moral impact of his works upon readers. By analyzing the reception of Dickens we prove that Russia’s appeal to English social and cultural experiences could be mainly explained by the urgent needs of the Russian socio-political life. The article demonstrates that the reception of Dickens in the early 1870s is of interest in terms of the history of literature since those were the years when Russian literary criticism and reading public insisted that literature should in principle deal with the most urgent issues of contemporary social and moral life, that writers should have a social responsibility and accentuate acute issues of the development of Russian realism. The article both shows the essential features, characterizing the attitude to Dickens expressed by different printed editions, and tries to determine some general issues in the Russian “legacy” of Dickens in terms of true artistic, moral and ethical values, the universal meanings of which are evident in his works, uniting his readers of various origins, beliefs and views. The uniqueness of the Russian readers’ responsiveness to the foreign artistic influence, described by F. M. Dostoevsky, makes an appeal to this topic, based on the Russian material, even more interesting and significant.

Keywords: Dickens, English literature of the nineteenth century, reception, Russian journalism, Russian literary journals, obituary.

Статья посвящена анализу восприятия личности и творчества Чарльза Диккенса русской журнальной публицистикой начала 1870-х гг., когда смерть писателя вызвала всплеск интереса к нему и его произведениям. В статье демонстрируется, как по-разному русские «толстые журналы» различной идеологической направленности («Дело», «Вестник Европы», «Нива», «Русский вестник») в некрологах и аналитических статьях, написанных под впечатлением ухода из жизни Диккенса, расставляют акценты русской рецепции английского писателя. В статье показывается, что обращение к Диккенсу интересно еще и тем, что его творчество оказало влияние не на ограниченный круг читателей, а на все русское образованное общество: несмотря на различие взглядов, русские публицисты того времени едины в оценке силы его таланта и нравственного воздействия его произведений. Анализ рецепции творчества Диккенса в этот период доказывает, что обращение России к английскому социокультурному опыту во многом объясняется запросами общественно-политической жизни страны. Работа показывает, что рецепция Диккенса в этот период представляет интерес и с точки зрения истории литературы, так как это было время, когда русская критика и читающая публика требовали от литературы принципиального обращения к острым социальным и нравственным аспектам современной жизни, ставили вопрос об ответственности писателя перед обществом, акцентировали острые вопросы развития русского реализма.

В статье выявляются не только особенности отношения к Диккенсу того или иного печатного издания или конкретного публициста, связанные с продиктованными временем акцентами, но и определяется то общее, что позволяет задуматься об истинной художественной и нравственной

ценности литературы, общечеловеческое начало которой способно преодолевать географические, межкультурные и идеологические границы, напоминая людям об их единой общечеловеческой сути. Уникальность отзывчивости русского читателя к инациональному художественному воздействию, о котором писал Ф. М. Достоевский, делает обращение к этой теме на русском материале еще более интересным и значимым.

Ключевые слова: Диккенс, английская литература XIX века, рецепция, русская публицистика, «толстые журналы», некролог.

Чтение литературы другой страны словно общение с иностранцем: несмотря на усилия и мастерство переводчика, существует некий зазор в понимании, который невозможно преодолеть без специальных знаний иной культуры и без желания ее понять. Но история литературы знает случаи, когда вопреки этим «трудностям перевода» произведение воспринимается «эмпатически»: читатель интуитивно принимает иностранного автора как «своего». Национальные отличия в таком случае не то что бы отрицаются, но предстают как нечто внешнее, не препятствующее эстетическому впечатлению. Внимание же сосредоточено на глубинной близости, общности гораздо более важной и ценной, происходит встреча за границами национальных систем координат. Вспоминая слова Ф. М. Достоевского о всемирной отзывчивости русского народа, о способности русской души «...вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия» [Достоевский, с. 698–699], не приходится удивляться тому, что для России такие случаи межкультурной «эмпатии» скорее закономерность, чем исключение. Один из таких феноменов принятия «чужого» – отношение к произведениям Чарльза Диккенса в России.

По справедливым словам Е. Ю. Гениевой, «Чарльзу Диккенсу в России выпала завидная судьба. Здесь переводы „Посмертных записок Пиквикского клуба“, „Домби и сына“ и всех остальных произведений великого англичанина не намного отставали от выхода его книг на родине» [Гениева, с. 5].

Смерть Диккенса 9 июня 1870 г. вызвала горячий отклик в России, причем отклик всеобщий: русская пресса, идеологическая раздробленность которой мешала выработать общее мнение, казалось бы, по любому вопросу, единогласно отвела Диккенсу место в ряду лучших писателей современности, более того – она рассматривала его как писателя, невероятно близкого русскому человеку. Многие журналы 1870-х гг. опубликовали некрологи на смерть английского романиста, а один из самых влиятельных журналистов того времени М. Н. Катков не только счел необходимым поместить некролог в

журнале «Русский вестник», но также перевел и полностью напечатал в газете «Московские ведомости» проповедь, прочитанную в Вестминстерском соборе во время похорон великого английского писателя.

Некролог гению – одновременно и прощание, и встреча: прощание с живым, встреча с вечным. Дистанция между «малым временем» человеческой жизни и «большим временем» бессмертия еще слишком мала, тем не менее она есть. Некролог, словно мгновенный снимок прошлого, настоящего и будущего: он одновременно расставляет акценты сегодняшнего дня; в то же время, сгущая краски в анализе прошлого, а то и нарочито выпрямляя ушедшее, некролог строго следует правилу «о мертвом или хорошо, или ничего» и одновременно подводит «сухой остаток» для будущих поколений. Однако с некрологами на смерть Диккенса в российских журналах дело обстоит по-другому: они отходят от «дежурных» необходимостей жанра, будучи одновременно лиричными и социально заостренными, они обобщают творческий путь писателя, акцентируя гуманистическое и общечеловеческое содержание его произведений, и таким образом пытаются воздействовать на общественное сознание.

Не менее интересны, чем некрологи, и аналитические статьи о творчестве Ч. Диккенса более позднего времени, но написанные вскоре после ухода из жизни писателя. Более того, возникает ощущение, что интерес к личности и творчеству Диккенса после его смерти даже усиливается: в 1870-х гг. появляются написанные соплеменниками биографии английского писателя; часть из них получают отклик в российской журнальной публицистике этого периода. Так, в демократическом журнале «Дело» под псевдонимом М. выходит статья «Задачи современного романа» [М.], написанная на материале книги о жизни Диккенса Дж. А. Сала (G. A. Sala «Charles Dickens», 1870). Однако большее внимание русская пресса уделяет биографии Ч. Диккенса, написанной его другом Джоном Форстером (John Forster «The Life of Charles Dickens», 1872–1874). «Русский вестник» опубликовал главы из этой книги, а в «Вестнике Европы» появились две большие статьи Л. А. Полонского: «Жизнь и молодость Диккенса» (статья опубликована под псевдони-

мом Л. П.) [Л. П.] и «Сказки Диккенса» [Полонский, 1873], где автор приводит немало выдержек из книги Форстера и много размышляет о своеобразии художественной манеры Диккенса и специфике восприятия его произведений в России. Также в своей статье «Очерки английского общества в романах Треллопа», вышедшей через 2 месяца после смерти Диккенса, критик пишет о значении романов Диккенса и Треллопа [Полонский, 1870].

При общем анализе некрологов на смерть Диккенса и статей о нем в русских журналах начала 1870-х гг. бросается в глаза, насколько часто в них используются слова «человек», «общечеловеческий», «мировой», «весь мир». Так, некролог, опубликованный в журнале «Нива», начинается со слов: «Общечеловеческая литература понесла тяжелую, незаменимую потерю» [Чарльз Диккенс. Некролог]. К этому мнению присоединяется и автор некролога в «Русском вестнике» Л. Нелюбов (псевдоним Г. А. Лароша): «Не одна Англия, не одни страны английской речи, но и весь образованный мир понес великую утрату в лице Чарльза Диккенса» [Нелюбов, 809]. Автор некролога называет созданных писателем персонажей «живыми, нетленными лицами» [Там же].

Авторы разных политических и социальных убеждений отмечают славу Диккенса как явление универсальное, мировое, а популярность его произведений для них лишена социальных и национальных различий: он популярен «...во всех слоях общества, во всех странах мира»; «Никто не пользовался тою всенародною любовью, тою всеобщою симпатией, которая была уделом Диккенса» [Там же, с. 812]. Публицисты пытаются сформулировать секрет успеха романов великого писателя у русской публики. Они связывают его не только и не столько со всегдашним жадным вниманием к иной культуре и обычаям и человечески объяснимым любопытством. Разгадку популярности Диккенса автор некролога в «Русском вестнике», например, видит в простоте как доминанте творчества этого английского гения: «...простота (не только личного характера, но и мотивов в его произведениях) есть одна из главных причин необыкновенной популярности Диккенса, — качество, в котором он между современными ему писателями не имел соперника» [Там же, с. 811–812].

Жанр некролога имеет свою специфику: он «требует от автора тщательного отбора жизненного материала ушедшей из жизни личности» [Картаусова, с. 97]. В этом отношении некролог в «Русском вестнике» осознанно выстраивается автором как некая мелодраматическая мизансцена.

Автор некролога, словно беллетрист, «рисует» портрет Диккенса на контрасте между богатством его воображения и скромностью в быту: «Его окружал богатый, разнообразный мир вызванных им к жизни лиц, положений и происшествий, но среди этого мира он сохранял величайшую простоту чувства, любовь к простым нравам, сочувствие к простой человеческой жизни, к ее целям, нуждам и потребностям, наконец, скромность личных привычек и требований от жизни» [Нелюбов, с. 811].

В доказательство гениальной «простоты» великого английского романиста приводится множество деталей: Диккенс «вел неутомимую трудовую жизнь» [Там же, с. 809], «в завещании своем покойный положительно запретил всякую пышность, всякую торжественность погребения» [Там же, с. 810]. По сведению автора некролога, не менее просто обставлен и похоронный обряд: «похороны прошли также тихо, как если бы местом действия была маленькая деревенская церковь, а не знаменитый храм в центре города-великана. Прохожие, которым встречались похоронные дроги, самые простые, и кареты провожавших (всего три), конечно же, не догадывались, что мимо них везли останки любимейшего из английских писателей» [Там же, с. 810–811]. В убранстве похорон автор также не преминул отметить «простой дубовый гроб» [Там же, с. 811], надпись на котором «простотой своею соответствует всей обстановке погребения...» По мнению журналиста «Русского вестника», «эти простые похороны, эта скромная могила без памятника, без статуи, среди великолепного готического храма, прекрасно рисуют личность и жизнь усопшего писателя» [Там же].

«Русский вестник» — журнал консервативного направления, а потому в оценке Диккенса автор некролога достаточно тенденциозен, для него смерть Диккенса — повод воздать хвалу английскому консервативному общественному укладу: «...Диккенс вырос в той сфере, которой он потом в образе своей жизни и в духе своих произведений остался верен всю жизнь: в сфере средних классов Англии, которые, в массе своей, составляют один из столпов ее величия и могущества» [Там же].

Не менее тенденциозны в оценках Диккенса и журналы других направлений. Благонамеренная «Нива», ориентировавшаяся в основном на читателей мещанского звания, мелкую и среднюю буржуазию, делает упор прежде всего на развлечение, поэтому для автора некролога в «Ниве» Диккенс прежде всего — «великий юморист» [Чарльз Диккенс. Некролог], и секрет популярности английского гения коренится в его

юморе: именно благодаря «юмористической струне его души» писатель приобрел «место в сонме бессмертных писателей» [Там же].

Более взвешенной и аргументированной представляется позиция Л. А. Полонского в его статьях о Диккенсе, написанных после ухода писателя из жизни и опубликованных в журнале «Вестник Европы». Он тоже размышляет о притягательности Диккенса, при этом отмечая, что даже среди самых популярных писателей Диккенс – явление уникальное: «Можно, кажется, сказать, что нет ни одного романиста, который пользовался бы такой всемирной популярностью, как Чарльз Диккенс, если только под словом „популярность“ разумеется нечто более общеизвестности. Таких романистов, которые имели миллионы читателей, есть несколько, кроме Диккенса. Но различие его с ними то, что в то время, как некоторые из них приобрели общеизвестность легкостью, забавностью, анекдотичностью своих произведений, он стал всемирно популярен в высшем смысле этого слова: кто его читал, не забывает его, сживается с его типами, как с живыми знакомыми людьми, и ощущает навсегда влияние на свой ум этого великого писателя» [Л. П., с. 686].

Конечно, размышляя о причинах популярности Диккенса, авторы разных убеждений и воззрений подчеркивают одну из характерных черт его прозы – «поразительное знакомство с бытом низших классов» [Чарльз Диккенс. Некролог]. Хотя в романах Диккенса ярко чувствуется национальная специфика и опираются они часто на злободневные, чисто национальные темы (как, например, устройство рабочих домов, частных школ-пансионатов, особенности английского судопроизводства и т. п.), но отечественные публицисты как будто об этом не помнят и не подчеркивают английскость этих явлений. Так, Л. А. Полонский пишет: «...мы <...> выносим из его рассказов такое впечатление, что он возлюбил „труждающихся и угнетенных“, и в особенности детей, что он глубоко сочувствует горю бедных и слабых, отстаивает человечность в сферах самого порока и преступления, будит самодовольное общество воплями тех мучений, которых оно не хотело знать» [Л. П., с. 686]. Представляется не случайным – и очень «диккенсовским»! – это обращение критика-либерала к цитате из Евангелия о «труждающихся и угнетенных», считающего эти слова едва ли не краеугольными в диккенсовском подходе к воспроизведению жизни английских (чаще всего лондонских) социальных низов. Любопытно в этой связи, что «Русский вестник», который во многих вопросах вступает в полемику с «Вестником

Европы», в своем некрологе использует практически ту же цитату из Евангелия, упоминая, в свою очередь, чувство Диккенса «к угнетенным и страждущим, к забытым труженикам человечества» [Нелюбов, с. 820]. Таково свойство великого искусства объединять даже идейных противников.

В целом не склонный заострять внимание на общественном неравенстве, «Русский вестник» считает, что одним из свойств «блестящего и симпатичного пера» писателя, является то, что «Диккенс, изображая действительную жизнь, не подыскивает явлений, которыми можно было бы раздражить нервы и возбудить желчь читателя; он не спекулирует на чувстве злобы и мести, не подставляет читателю объекты, на которые он мог бы излить накопившиеся в нем сплин или мизантропию. <...> Его реализм есть истинный реализм» [Там же]. По мнению автора статьи, в «Русском вестнике», «на всех его (Диккенса. – Л. С., Б. П.) произведениях лежит яркий и благотворный отблеск его любящего, человеколюбивого духа, и этот мягкий и греющий свет так очаровательно озаряет сочно-бьющуюся жизнь его столь оригинальных и часто причудливых характеров, так увлекательно охватывает настроение читателя, так утешительно укрепляет в нем веру в лучшие стороны человеческой природы, что действие его романов, кроме художественной стороны, имеет еще великое нравственное значение» [Там же].

Своеобразное, но вполне в духе эпохи становления русского социального реализма и полемики о русской натуральной школе, «золяизме» и т. п. мнение о романах Диккенса высказывается в журнале «Дело», где в 1870 г. была опубликована статья «Задачи современного романа». На материале биографии Диккенса, написанной Дж. Сала, защищается точка зрения о том, что Диккенс является «Шекспиром современного общества» [М., с. 42], «родоначальником новейшего романа» [Там же, с. 39], романа физиологического. Автор пишет: «...вы после чтения каждого романа можете также отчетливо указать на роль тех или других явлений в общественной жизни, как после изучения физиологии человека вы можете определить значение нервов, мускулов, крови в человеческом организме.

Если бы позднейший историк не нашел ни газетных известий, ни частных мемуаров о состоянии английского общества за последние 50–60 лет, – он мог бы смело нарисовать картину жизни этого общества во всех подробностях по романам Диккенса...» [Там же, с. 41–42].

Опираясь на работы И. Тэна, считающего литературу проявлением народного духа, автор

статья выводит причины возникновения описательного, а позднее на его основе «физиологического», романа из характера английского народа: «Английский народ <...> в течение нескольких веков жил более чем какой-нибудь другой народ общественной жизнью» [Там же]. Художественные достоинства и недостатки романов Диккенса автор объясняет также их «физиологическим характером»: «Только поняв вполне, что Диккенс прежде всего представлял читателю физиологию общества, а не похождения героя, можно снять с него часть обвинения за бледность его героев и героинь. Диккенс не делал их более яркими не потому, что у него не хватило на это силы, а потому, что в его романах роль героя занималась не отдельными личностями, а обществом» [Там же, с. 40]. Особо обращает на себя внимание тот факт, что автор говорит не о физиологии человека в романах Диккенса, а о физиологии общества: совершенно очевидно, что автор статьи пользуется случаем и в размышления о характере социальной обобщенности произведений Диккенса вкладывает пафос нацеливания русской мысли, в том числе и художественной, на исследование общественных процессов и их закономерностей.

Учитывая различные направления тех или иных русских печатных изданий этого времени, любопытно посмотреть, как «распределяют» между собой журналы романы Диккенса: «Русский вестник» и «Нива» именуют Диккенса творцом «Копперфильда» [Чарльз Диккенс. Некролог, с. 810] и творцом «Пиквика» [Нелюбов, с. 819]. По мнению автора «Русского вестника», «Дэвид Копперфильд» «...обыкновенно считается высшею точкой творчества Диккенса» [Там же, с. 816]. Критик восхищался также «Лавкой древностей»: «Лавка редкостей» (так Нелюбов называет этот роман Диккенса. – Л. С., Б. П.) замечательна трогательным рассказом о маленькой Нелли, одним из самых дивных характеров в мире вымысла...» [Там же, с. 815].

Размышляя о секретах популярности Диккенса в России, Л. А. Полонский отводит большую роль в популяризаторстве имени великого писателя В. Г. Белинскому: «Одним из дел Белинского была реакция против преобладания в нашем умственном мире элемента французского. Но как бы приискивая нам новых „гувернеров“, Белинский, преследуя цель эмансипации русской мысли к самостоятельности, указывал „на Англию, которой сочувствовал прежде всего как стране свободных учреждений“» [Полонский, 1873, с. 38]. По мнению Полонского, роман «Домби и сын» «имел громадный успех не в одной Англии, но между прочим и у нас. „Домби“ и доселе остается наиболее известным, наиболее памятным

русской публике из всех произведений Диккенса. В свое время этот роман немало способствовал тому, что английская литература и жизнь привлекли к себе особенное внимание и сочувствие русского общества» [Там же]. Критик считает, что «роман „Домби“ по преимуществу, а также и другие произведения Диккенса, являясь в наших журналах в такое время, когда русская жизнь была, можно сказать, скрыта льдом, когда, употребляя аллегорию Виктора Гюго, еще не „пошел лед на Неве“, произвели особенно сильное впечатление и немало содействовали осуществлению указанной мысли Белинского, произведя у нас реакцию от французского к английскому» [Там же]. Наверное, из-за того, что «Домби и сын» традиционно связан в русской печати с именем В. Г. Белинского, оппонент демократического направления «Русский вестник» высказывается об этом романе довольно сухо и не затрагивает в своей оценке острых социальных вопросов, поднятых в произведении: в некрологе «Русского вестника» о «Домби и сыне» только сказано, что «характеры маленького Поля Домби и его сестры Флоренс были достаточны, чтобы обеспечить громадный успех (произведению – Л. С., Б. П.)...» [Нелюбов, с. 816].

Напротив, демократический журнал «Дело» подробно останавливается на романе «Домби и сын», но анализ произведений Диккенса в этом журнале имеет идеологическую заданность: автор явно увлечен идеями физиологии общества и естественного отбора; практически в каждом абзаце статьи о Диккенсе присутствует слово «борьба», прежде всего – борьба нового и старого, что для автора практически становится синонимом борьбы добра и зла в обществе. В статье часто встречается и слово «партия» (в старом, не политическом, его значении). Поэтому некоторые высказывания кажутся нынешнему читателю одновременно и забавными, и устрашающими: так, взаимоотношения старшего Домби с дочерью объясняются борьбой старой и молодой партий. Понятно, что автор имеет в виду категории «генерация» и «поколение». В частности, автор пишет: «...старик Домби по физиологическим законам должен же был когда-нибудь ослабеть под ударами молодой партии его врагов. <...> Молодая партия, как более сильная, более крепкая физически, должна была бодрее перенести борьбу. Следствием этого является падение духа в старике Домби, его старческое бессилие, его дряблое раскаяние. Молодая партия не громит его проклятиями, принимает в свой дом, как кающегося грешника...» [М., с. 49–50]. Акцент на свежести, молодости, обновлении и т. д. особенно принципиален с точки зрения вписывания

размышлений автора в контекст российской действительности этого периода – полного надежд и чаяний, к сожалению, не сбывшихся, как известно из истории России 1870–1880-х гг.

Разногласия мнений, оценок, симпатий и антипатий, несмотря на разные подходы и акценты, как раз и позволяет осознать, какое грандиозное впечатление произвел Диккенс на русских читателей: каждый находит в его книгах что-то свое, созвучное своим размышлениям, близкое собственным тревогам и надеждам.

Есть еще один любопытный аспект, связанный со спецификой того времени: Т. Д. Венедиктова справедливо отмечает, что в литературе XIX в. ключевой является проблема подобия – жизни и правде жизни [Венедиктова, с. 189]. По ее мнению, в эту эпоху «усилия художника направлены к тому, чтобы наиполнейшим образом „отречься от себя“». Также и художественное слово в этот период «...словно пытается преодолеть собственную природу, притвориться чисто визуальным эффектом, зеркальным отражением» [Там же, с. 192]. Критика того времени также ожидает и даже требует от художника этого отречения от собственной индивидуальности, от игры фантазии. Например, тот же Л. А. Полонский выносит приговор произведениям В. Скотта и Э. Бульвер-Литтона, лишенным, по его мнению, «общественной нагрузки», в отличие от диккенсовских: «Картины Скотта и Бульвера, бесспорно, красивы, типы их живописны и повесть увлекательна. Но пользы в них никакой, и они неспособны внушить серьезного интереса» [Полонский, 1870, с. 614]. На вопрос, как измерить пользу литературы, у Л. А. Полонского нет однозначного ответа. В то же время по поводу творчества Диккенса критик сначала задается риторическим вопросом, а потом сам же на него и отвечает: «Кто может определить, какую огромную пользу принес Диккенс для смягчения нравов и для улучшения мест призрения? Определить ее нельзя, но мы очень хорошо знаем, что все действия наши совершаются под влиянием впечатлений и образов, запавших нам в душу и оцветивших наше мировоззрение» [Там же, с. 616].

Весьма парадоксально выглядит то обстоятельство, что в то время, когда идеологическая заданность едва ли не насаждалась в литературе русской демократической и либеральной критикой (см. литературно-критические труды Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского и др.), которая требовала от нее не увлекаться фантазией, чтобы полнее служить интересам общества и верно отражать действительность, одним из самых популярных английских писателей в России, бурлящей после реформ

1860-х гг., стал не кто иной, как Диккенс – художник безграничного, неистощимого, свободного воображения.

В связи с этим нельзя не заметить, что для Л. А. Полонского понятия «реалист» и «поэт» – антонимы, а слово «поэзия» он употребляет почти в уничижительном смысле. За «поэзию» Диккенсу от критика порою крепко «достаётся»: «В Диккенсе часто проглядывает и поэт, забывающий о своем публицистическом призвании, под нашептыванием прелестных мечтаний увлекающийся рисунком для самого рисунка, а иногда даже произвольно и фантастически распоряжающийся судьбою своих лиц» [Там же, с. 618]. В отличие от автора «Нивы», Полонский не придает особого значения юмористическому таланту Диккенса: «Диккенс именно тогда юморист, когда он поэт; юмор его имеет только художественное значение, и он заставляет вас смеяться громко, от всей души» [Там же, с. 614].

Пишет Полонский о Диккенсе и иное, словно на миг забыв о строгом требовании следовать «правде жизни» и честно, без «поэтических фантазий» отражать действительность: «...в самой манере его так много оригинальности, в изложении столько задушевности, что часто мы менее интересуемся развязкою действия, чем чудесными свойствами того стеклышка, которое дает нам этот автор, сквозь которое мы рассматриваем людей» [Л. П., с. 686]. И мы справедливо можем задаться вопросом: не кроется ли секрет привлекательности этого «стеклышка» для многих читателей в неповторимой творческой манере английского писателя, в его художественном таланте – то есть в той самой, почти запретной по тем временам «поэзии»? Словно противореча сам себе, Л. А. Полонский замечает: «Он один из первых обличителей общественного зла в романе, и несмотря на то, что после него явилось много подобных обличителей, они устарели, а не он, потому что они были более рутинны, чем он» [Там же].

Для примера приведем слова Л. А. Полонского об Энтони Троллопе, одном из тех художников, который как раз, судя по критериям критика, духу времени соответствовал идеально¹: «Троллоп – <...> истинный реалист, чуждый всякой необузданной фантазии» [Полонский, 1870, С. 623]. Дань таланту Троллопа Полонский отдает в полной мере, и в то же время замечает: «... для нас, не-англичан, важна не столько личность его и оценка его как писателя, сколько написанное им, большая и разнообразная картина всех глав-

¹ О судьбах рецепции творчества Э. Троллопа см.: [Проскурнин].

ных сфер жизни высшего и среднего английского общества» [Там же]. Для Полонского романы Троллопа – прежде всего иллюстрации, почти документальные свидетельства. Он и использует их как документы: описывает быт и нравы английского общества, ссылаясь на эти романы. О Диккенсе же он пишет противоположное: «...нам, почти так же, как и англичанам, интересно знать: какой человек был Диккенс, как он писал, какая была главная его цель, его убеждения, наконец, каким образом он распоряжался своей работой и какую ценность на деньги представляют в Англии литературные произведения первостепенного свойства» [Л. П., с. 701–702].

* * *

Почему все-таки Диккенс не просто популярен, а любим в России? Неужели дело здесь в указующем персте В. Г. Белинского? Но зададимся еще одним вопросом: разве Белинский заставлял восхищаться Диккенсом Достоевского, Толстого, Тургенева, Лескова? Разве кто-то со стороны заставил П. И. Чайковского, который весьма резко в 1878 г. высказался об англичанах: «О, как ненавистна Англия, эта презренная торговка, всегда загребавшая жар чужими руками! Вот где наш настоящий, холодный, рассудительный, но беспощадный враг» [Айнбиндер, с. 92], тем не менее засесть за англо-русский словарь для чтения в оригинале произведений английских писателей и отметить: «Диккенс и Теккерей вообще единственные люди, к^{ото}рым я прощаю, что они англичане» [Там же, с. 93]. Может быть, не так далеко от истины ушли авторы некрологов «Русского вестника» и «Нивы», когда говорили о том, что Диккенс стал «нашим общим другом» [Чарльз Диккенс. Некролог], [Нелюбов, с. 812], заставил, забыв о национальных различиях, о разных взглядах и предрассудках, вспомнить то, что нас объединяет? Может быть, прав В. М. Толмачев, полагающий, что «Диккенс каноничен и важен не тем, что „отразил“ действительную нищету (это лучше передает фотография), а тем, что действительно существовал в искусстве и как уникальный художник добился эффекта ослепительной красоты (и, следовательно, эстетической объективности, поэзии) этой красоты?» [Толмачев, с. 119–120]. Может быть, в этом и есть предназначение великой литературы – объединять, становясь «своей»?

Список литературы

Айнбиндер А. Г. Великобритания в жизни и творчестве Чайковского (по материалам личного архива композитора) // Текст. Книга. Книгоиздание. Томск: Издательство НИТГУ. 2014. № 2 (6). С. 92–113.

Венедиктова Т. Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века / Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: Учебное пособие / Под ред. Л. Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С. 186–220.

Гениева Ю. Г. Почему продолжение? / Тайна Чарльза Диккенса. Библиографические разыскания. М.: Книжная палата. 1990. 536 с.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации. 2010. 880 с.

Картаусова Н. В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета // Ценности и смыслы. 2010. № 6 (9). С. 90–100.

Л. П. Детство и молодость Диккенса // Вестник Европы. 1872. № 6. С. 685–708.

М. Задачи современного романа // Дело. 1870. № 11. С. 31–55.

Нелюбов Л. Чарльз Диккенс. Некролог. Русский вестник. Июнь. 1870. С. 809–821.

Полонский Л. А. Очерки английского общества в романах Троллопа // Вестник Европы. 1870. № 8. С. 613–675.

Полонский Л. А. Сказки Диккенса // Вестник Европы. 1873. № 5. С. 5–43.

Проскурнин Б. М. О странностях русской рецепции Энтони Троллопа // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 300–327

Толмачев В. М. Где искать XIX век / Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: Учебное пособие / Под ред. Л. Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С. 117–185.

Чарльз Диккенс. Некролог // Нива. 1870. № 23–24. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1870_nekrolog_oldorfo.shtml (дата обращения: 30.05.2017).

References

Ainbinder, A. G. (2014). *Velikobritaniia v zhizni i tvorcheshtve Chaikovskogo (po materialam lichnogo arhiva kompozitora)* [Great Britain in the Creative Life of Chaikovsky (based on the composer's private archive)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 2 (6), pp. 92–113. Tomsk, Izdatel'stvo NITGU. (In Russian)

Charl'z Dikkens. Nekrolog (1870). [Charles Dickens. An Obituary]. *Niva*, No. 23-24. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1870_nekrolog_oldorfo.shtml (accessed: 30.05.2017). (In Russian)

Dostoevskii, F. M. (2010). *Dnevnik pisatel'ia* [The Writer's Diary]. 880 p. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. (In Russian)

Genieva, Iu. G. (1990). *Pochemu prodolzhenie? Taina Charl'za Dikkensa. Bibliograficheskie razyskaniia* [Why Continue? The Mystery of Charles Dickens. Biographical Research]. 536 p. Moscow, Izdatel'stvo "Knizhnaia palata". (In Russian)

Kartausova, N. V. (2010). *Nekrolog kak svoeobraznaia forma literaturnogo portreta* [An Obituary as a Special Form of a Literary Portrait]. *Tsennosti i smysly*, No. 6 (9), pp. 90–100. (In Russian)

L. P. (1872). *Detstvo i molodost' Dikkensa* [Dickens's Childhood and Youth]. *Vestnik Evropy*, No. 6, pp. 685–708. (In Russian)

М. (1870). *Zadachi sovremennogo romana* [The Aims of the Modern Novel]. Delo, No. 11, pp. 31–55. (In Russian)

Neliubov, L. (1870). *Charl'z Dikkens. Nekrolog* [Charles Dickens. An Obituary]. Russkii vestnik, No. 6, pp. 809–821. (In Russian)

Polonskii, L. A. (1870). *Ocherki angliiskogo obshchestva v romanakh Trollopa* [The Sketches of English Society in Trollope's Novels]. Vestnik Evropy, No. 8, pp. 613–675. (In Russian)

Polonskii, L. A. (1873). *Skazki Dikkensa* [Dickens's Fairytales]. Vestnik Evropy, No. 5, pp. 5–43. (In Russian)

Proskurnin, B. M. (2015). O strannostiakh russkoi retseptsii Entoni Trollopa [On the Peculiarities of Rus-

sia's Reception of Anthony Trollope]. Voprosy literatury, No. 6, pp. 300–327. (In Russian)

Tolmachev, V. M. (2001). *Gde iskat' XIX vek. Zarubezhnaia literatura vtorogo tysiacheletia. 1000–2000: Uchebnoe posobie* [Where is the 19th Century to Be Found? Foreign Literature of the Second Millennium]. Pp. 117–185. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Venediktova, T. D. (2001). *Sekret sredinnogo mira. Kul'turnaia funktsiia realizma XIX veka. Zarubezhnaia literatura vtorogo tysiacheletia. 1000–2000: Uchebnoe posobie* [The Secret of the Middle World. The Cultural Function of the 19th Century Realism / Foreign Literature of the Second Millennium. 1000–2000: Study materials]. Pod red. L. G. Andreeva. Pp. 186–220. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 31.05.2017

Поступила в редакцию 31.05.2017

Симченко Людмила Михайловна,
магистр,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь,
Букирева, 15.
ludmilasimchenko@mail.ru

Проскурнин Борис Михайлович,
доктор филологических наук,
профессор,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь,
Букирева, 15.
bproskurnin@yandex.ru

Simchenko Ljudmila Mihajlovna,
Master student,
Perm National Research University,

15 Bukirev Str.,
Perm, 614990, Russian Federation.
ludmilasimchenko@mail.ru

Proskurnin Boris Mihajlovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Perm National Research University,

15 Bukirev Str.,
Perm, 614990, Russian Federation.
bproskurnin@yandex.ru